Победа как ценность

Юрий Ветютнев

Волгоградский государственный университет (Волгоград)

E-mail: legalmind@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена Победе как ценности. Обосновывается, что поскольку ценность представляет собой не что иное, как предпочтение, отдаваемое одним вещам по сравнению с другими, то приобретение любым явлением характера ценности предполагает, что оно выдержало определенную культурную конкуренцию. Ценность победы парадоксальна: требуя завершить противоборство, она, таким образом, отрицает структуру ценности с ее внутренней напряженностью. Полная победа означала бы прекращение противоборства с дальнейшей невозможностью формирования новых ценностей, поскольку противовес ценности, подавляемая (антиценная) сущность, должна либо полностью исчезнуть, вследствие чего ценность утратит свое значение, либо вступить с ценностью в какие-то партнерские отношения, и тогда она лишится своего содержания. Поэтому, вероятно, любая победа лишь временна и относительна, отражением чего и служат все ценности в их текущем, сугубо промежуточном и несовершенном, состоянии. Необходимость сосуществования на фоне феномена ценностей автоматически ведет к перманентному противостоянию, которое меняет лишь свои формы и интенсивность. Поскольку любой консенсус достигается только на основании уже найденных общих ценностей, сам поиск топоса происходит лишь путем разногласий, разрешающихся победой одних идей над другими. Великая Победа 1945 года — исторический слепок очередного раунда аксиологической конфронтации середины XX века. Позиции индивидуалистического мировоззрения были несколько поколеблены впечатляющей демонстрацией силы коллективизма. В свою очередь, явное смягчение строго атеистических установок, сменившихся умеренной взаимной лояльностью государства и церкви, могло рассматриваться как относительная победа христианских идеалов. Недолговечный и хрупкий синтез этих начал, вскоре подвергнутый новым атакам, тем не менее стал основой того ценностного самоопределения российской культуры, которое пока не нашло себе достойной замены.

Ключевые слова: ценности, свобода, социалистическое государство, солидарность, коллективизм, неконвенциональная теория ценностей.

Для цитирования: *Ветютнев Ю.* (2025). Победа как ценность // Patria. Т. 2. № 2. С. 37–45.

doi: 10.17323/patria.2025.26791

The Victory as a Value

Yuri Vetyutnev

Volgograd State University (Volgograd)

E-mail: legalmind@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the Victory as a value. It is argued that, since value is nothing more than a preference given to some things over others, the acquisition of the character of value by any phenomenon presupposes that it has withstood a certain cultural competition. The value of victory is paradoxical: by demanding the end of the confrontation, it thus negates the structure of value with its internal tension. A complete victory would mean the cessation of the confrontation with the further impossibility of forming new values, since the counterbalance of the value, the suppressed (anti-value) essence must either completely disappear, as a result of which the value would lose its significance, or enter into some kind of partnership with the value, and then the value would lose its content. Therefore, it is likely that any victory is only temporary and relative, which is reflected by all values in their current, purely intermediate and imperfect state. The need for coexistence against the background of the phenomenon of values

automatically leads to permanent confrontation, which only changes its forms and intensity. Since any consensus is achieved only on the basis of common values that have already been found, the search for a topos takes place only through disagreements that are resolved by the victory of some ideas over others. The Great Victory of 1945 is the historical imprint of the next round of the axiological confrontation of the mid-twentieth century. The positions of the individualist worldview were somewhat shaken by the impressive demonstration of the power of collectivism. In turn, the apparent softening of strictly atheistic attitudes, replaced by moderate mutual loyalty between the state and the church, could be seen as a relative victory for Christian ideals. The short-lived and fragile synthesis of these principles, soon subjected to new attacks, nevertheless became the basis of the value self-determination of Russian culture, which has not yet found a worthy replacement.

Keywords: values, freedom, socialist state, solidarity, collectivism, unconventional theory of values.

For citation: Vetyutnev Yu. (2025) "The Victory as a Value", *Patria*, vol. 2, no. 2, pp. 37–45.

doi: 10.17323/patria.2025.26791

Введение

Максимально возвышенный пафос манифестации ценностей особенно присущ самым кровопролитным эпохам в истории. Мало кто мог сравниться в этом риторическом искусстве с деятелями Великой Французской революции:

> Мы хотим иметь такой порядок вещей, при котором все низкие и жестокие страсти были бы обузданы, а все благодетельные и великодушные страсти были бы пробуждены законами; при котором тщеславие выражалось бы в стремлении послужить родине; при котором различия рождали бы только равенство; при котором гражданин был бы подчинен магистрату, магистрат — народу, народ — справедливости; при котором родина обеспечила бы благоденствие каждой личности, а каждая личность гордо пользовалась бы процветанием и славой родины (Робеспьер, 1965: 107–108).

Такие славные идеалы вдохновенно проповедует вождь якобинцев в самый разгар революционного насилия.

Поэтому странно выглядят сетования на то, что современные международно-правовые акты лишены того эмоционального накала, который присущ, например, Декларации независимости США 1776 года (Малинова, 1995: 87): упрекнуть тот или иной программный документ в сухости и невыразительности — значит всего лишь констатировать, что он появился в спокойное время.

Возможны два объяснения этого эффекта. Первое из них, более простое и очевидное, связано с тем, что осознание ценности, как правило, происходит в условиях ее дефицита. Если использовать модель Т. Гоббса, то ограниченность любого ресурса при относительном равенстве сил тех, кто на него претендует, неизбежно порождает перманентный конфликт вокруг него (Гоббс, 1991).

Однако есть основания усомниться в том, насколько универсален этот механизм применительно к ценностям. Если мы вполне можем себе представить, например, что в обществе существует лишь ограниченный объем свободы в расчете на все социальные группы и что расширение свободы одних (например, властвующих или подвластных) неизбежно ограничивает свободу других, то в случае с такой ценностью, как справедливость,

этот принцип вряд ли действует в той же самой форме — иначе говоря, трудно вообразить, чтобы в обществе существовал какой-то заранее заданный лимит справедливости, который может быть исчерпан.

Другое объяснение, несколько более сложное, состоит в том, что конфликт каким-то образом заложен в самой структуре ценности и, следовательно, не порождается ею, а сопутствует ей изначально.

Поскольку ценность представляет собой не что иное, как предпочтение, отдаваемое одним вещам по сравнению с другими, то приобретение любым явлением характера ценности предполагает, что оно выдержало определенную культурную конкуренцию. По словам Л. Н. Толстого, «только свойство больше или меньше любить одно и не любить другое — и есть то особенное и основное я человека, в котором собираются в одно все разбросанные, прерывающиеся сознания» (Толстой, 1984: 100). Постольку же, поскольку это «другое», то есть альтернатива ценности, само является живой действенной силой, эта борьба не прекращается и после того, как ценность уже окончательно конституирована.

Этот механизм раскрывается также в гегелевской концепции «права в засаде»: двойственность мира, его расколотый характер проявляется в том, что любое действие человека, соответствуя одному принципу или закону, неизбежно нарушает другой, ему противоположный: «Самосознание, таким образом, благодаря действию становится виной. Ибо вина есть его действование, а действование — его сокровеннейшая сущность; и вина получает также значение преступления: ибо в качестве простого нравственного сознания оно обратилось к одному закону, но отказалось от другого и нарушает его своим действием» (Гегель, 2000: 238).

Ценность может содержать в себе отрицание как открыто, так и скрыто, причем Гегель высказывает большее одобрение открытой форме:

> Бывает, что право, которое скрывается в засаде, имеется налицо для совершающего поступки сознания не в свойственном ему облике, а лишь в себе, во внутренней вине решения и совершения поступков. Но нравственное сознание — полнее, его вина — чище, когда оно заранее знает закон и силу, против которой оно выступает, считая ее насилием и несправедливостью (Гегель, 2000: 240).

При этом сила, противостоящая ценности, в ряде случаев сама может маскироваться под ценность: например, рабство как альтернатива свободе любит выдавать себя за порядок, а произвол, противоположный справедливости, в чьих-то глазах может выглядеть как свобода. В действительности, конечно, свобода в своей идее никак не противоречит ни порядку, ни справедливости, однако в социальной практике конкретная форма реализации одной ценности может оказаться несовместима с какой-либо другой, что рождает иллюзию конфликта самих ценностей.

Если рассматривать ценность как акт социального признания, который, в свою очередь, объединяет в себе разнообразные когнитивные операции (узнавание, оценивание, запоминание и другие), то становится ясно, о каком лимитированном ресурсе может идти речь применительно к ценностям, в силу чего ценностное сознание в действительности вынужденно функционирует в конкурентном режиме, — о распределении внимания:

> Внимание привносит в социальное признание такое свойство, как избирательность. Если допустить, что все предметы и люди были бы совершенно одинаковыми по своей значимости, то сконцентрировать на чем-либо внимание было бы невозможно, а значит, не состоялось бы и социальное признание. Таким образом, внимание, а вслед за ним и признание представляет собой не только концентрацию на одном объекте, но и отбрасывание других (Копанева, 2024: 103–104).

Постмодернистское отрицание иерархии ставит под угрозу не только системный характер социальных ценностей, но и состоятельность любой одинарной ценности, взятой отдельно. Логически непредставимо, чтобы внедрение горизонтального подхода во взаимоотношении ценностей между собой, то есть отказ от заранее заданных приоритетов, не затронул бы внутреннюю иерархичность самого́ ценностного сознания, выражающуюся в признании неравного достоинства одной вещи перед другой.

Победа и свобода

Нет армии, которая по силе
И мужеству сравнялась бы с тобой.
Не будь тебя — что было бы с Россией?
Что было б с человеческой судьбой?
В крови и мраке, под фашистским игом
Кошмаром бы прошел двадцатый век.
И о свободе разве что по книгам,
И то не каждый, — знал бы человек.
(Инбер, 1943: 74)

Интересна дата публикации этого стихотворения Веры Инбер: оно появилось в газете «Правда» 21 февраля 1943 года. До Победы оставалось еще два с лишним года, однако предотвращение фашистского ига и спасение людей от несвободы описывается уже как свершившийся факт, а не гипотетическая возможность.

Ценность свободы не относится к числу тех, которые автоматически ассоциируются с советской цивилизацией. Это не вполне оправдано даже с точки зрения марксистской идеологии; уже в Декрете о мире, одном из первых актов советской власти, говорилось, в частности: «рабочие всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации» (Декрет…, 1957: 16). Однако реальный, а не формальный ценностный статус индивидуальной свободы в советской культуре действительно обладал несколько «подвешенным» характером в силу интенсивной дехристианизации, с учетом того, что атеистическое мировоззрение надежных оснований для свободы личности не предоставляло.

Одновременно с этим открывались широкие возможности для свободы коллективной, что подкреплялось и марксистской концепцией класса как основного субъекта истории, стремящегося к автономизации, и постепенным углублением концепции «советского народа» как надклассовой общности, избирающей собственный жизненный путь. Понимание того, что свобода цивилизационного выбора неразрывно связана с победой над враждебными моделями социального устройства, в высшей степени свой-

ственно как марксистской доктрине в целом, так и советской идеологии в частности.

Что касается многочисленных ограничений свободы, ставших привычной чертой советского социально-политического быта, то они, по существу, вовсе не являлись необходимой принадлежностью социалистического проекта, а всего лишь свидетельствовали о том, что в борьбе за свободу часто одерживали верх какие-то иные ценности.

Победа и солидарность

Современное понимание Великой Победы лежит, несомненно, более в национальной плоскости, нежели в идеологической. Однако не следует забывать, что в течение того периода советской истории, который предшествовал Великой Отечественной войне, на официальном уровне преобладал интернационализм, а решительный поворот к национальным ценностям произошел уже в ходе самой войны, и, следовательно, изначально ценность Победы должна была иметь какую-то иную природу.

Исходный замысел советского государства, собственно, состоял вовсе не в том, чтобы продолжить или развить национальную российскую культуру, — этот эффект скорее носил незапланированный характер. Грандиозность приложенных усилий и понесенных жертв служила тому, чтобы построить совершенно новый тип человеческой общности.

Идея социализма в первоначальном ее виде существенно отличалась от ее более поздних версий, близких к господству государственной собственности; предполагалось ведь скорее обратное, а именно отказ от эгоистических установок и совместное, по сути соборное, управление как в хозяйствовании, так и в политическом порядке. Сложившуюся же ситуацию можно описать формулировкой Р. Р. Вахитова: «Антиэтатизм в теории, этатизм на практике» (Вахитов, 2024: 39).

В 1919 году, на пике разрухи, советское государство финансирует перевод и выпуск книги французского правоведа Л. Дюги «Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона». Впоследствии раскритикованный наравне с другими буржуазными учеными, на тот момент Дюги распознаётся советскими юристами как союзник, поскольку основные идеи его труда — необходимость реорганизации гражданско-правовых отношений на основе солидаризма, то есть коллективистской установки, что сопряжено с разоблачением абсурдности частной собственности и индивидуализма в целом:

> …сама по себе индивидуалистическая концепция не выдерживает критики. Это представление об естественном человеке, изолированном, независимом, имеющем в качестве человека права, предшествующие существованию общества, и приносящем их с собою в общество, — представление, совершенно чуждое действительности. Человек изолированный и независимый — чистейшая фикция: он никогда не существовал. Человек — существо общественное; он не может жить без общества, он всегда жил в обществе (Дюги, 1919: 17).

Концепция социалистического государства, вынужденная отвоевывать себе место в противоборстве с иными идеологиями, постулировала оздоровление общественной жизни с нивелированием индивидуалистических

установок и априорным первенством коллективных интересов. Тот факт, что в целом этот проект не удался и переродился в коллективное равнодушие, с каковым и было встречено обществом падение советского режима, доказывает лишь правильность той идеи, которая считалась общим местом еще в 1920-е годы: о невозможности выживания социалистического государства в буржуазном окружении.

В современном контексте провозглашение ценности коллективизма в п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ…, 2022) выглядит пока благородным эстетическим жестом, а не конкретным политическим актом. Коллективистская модель советского общества была сложна, причем даже излишне богата нюансами, вследствие чего ее и не удалось осуществить в полной мере. Простая декларация коллективизма в качестве традиционной ценности, расходящаяся с опытом большинства, не является достаточным фактором преобразования социальных практик и тем более общественного сознания, сравнительно недавно смирившегося с индивидуалистическими принципами.

Победа и мир

Известно, что действующие до настоящего времени Гаагские конвенции о законах и обычаях войны 1899 и 1907 годов принимались по инициативе и при деятельном участии Российской империи. Однако при анализе этих документов обычно умалчивается об одном довольно странном положении, сформулированном в преамбуле Конвенции 1907 года: «Постановления эти, внушенные желанием уменьшить бедствия войны, насколько позволят военные требования…» (Конвенция…, 2007). Из этого текста с определенностью следует, что стремление к миру в рамках этих представлений является чем-то зависимым, производным от собственно военных задач и, следовательно, что международно-правовые акты, имеющие вроде бы миролюбивую направленность, в действительности основаны на скрытых милитаристских установках.

Ценность победы как таковой и Великой Победы в частности, напротив, вовсе не содержит таких устремлений и, более того, носит радикально миротворческий характер.

Известен такой эпизод, относящийся к самому концу Великой Отечественной войны. 11 апреля 1945 года в газете «Красная звезда» выходит статья ведущего военного пропагандиста И. Г. Эренбурга под названием «Хватит!». Помимо всего прочего, автор пишет: «Некому капитулировать. Германии нет: есть колоссальная шайка, которая разбегается, когда речь заходит об ответственности» (Эренбург, 1996: 660).

Несмотря на громадные заслуги Эренбурга как военного публициста, следует достаточно резкий ответ: 14 апреля в газете «Правда» появляется статья «Товарищ Эренбург упрощает», подписанная Г. Ф. Александровым, на тот момент начальником Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Основное возражение гласило:

> Если признать точку зрения т. Эренбурга правильной, то следует считать, что все население Германии должно разделить судьбу гитлеровской клики. Незачем говорить, что т. Эренбург не отражает в данном случае советского общественного мнения. Красная Армия, выполняя свою великую освободительную миссию, ведет бои за ликвидацию гитлеровской армии, гитлеровского государства, гитлеровского правительства, но никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ. Это было бы глупо и бессмысленно (Александров, 1945).

Победа, даже еще не завоеванная, а только предполагаемая, исключает признание ценности самой борьбы. Более того, идея победы знаменует собой более полное и последовательное отвержение борьбы, чем, например, конструкция компромисса, ибо последний, в случае недовольства одной из сторон, всегда оставляет возможность возобновления конфликта.

Поэтому ценность победы парадоксальна: требуя завершить противоборство, она, таким образом, отрицает структуру ценности с ее внутренней напряженностью. Полная победа означала бы прекращение противоборства с дальнейшей невозможностью формирования новых ценностей, поскольку противовес ценности — подавляемая (антиценная) сущность — должна либо полностью исчезнуть, вследствие чего ценность утратит свое значение, либо вступить с ценностью в какие-то партнерские отношения, и тогда ценность лишится своего содержания. Поэтому, вероятно, любая победа лишь временна и относительна, отражением чего и служат все ценности в их текущем, сугубо промежуточном и несовершенном, состоянии.

Заключение

По всей вероятности, возможны только два основных подхода к общему пониманию ценностей. Согласно первому из них, ценности могут рассматриваться как результат определенного соглашения между людьми, и в этом случае природа их лишена воинственности. Однако очевидная слабость такой концепции состоит в том, что она порождает неразрешимый логический круг: коль скоро такая договоренность могла иметь место, она должна была опираться на какие-либо общие для ее участников ценности, которые, следовательно, действовали еще до своего возникновения.

Обратный подход представлен в концепции «неконвенциональной природы ценностей» Т. А. Вархотова: «Наличные суждения о ценностях всегда конвенциональны (то есть культур-локальны), но в них всегда присутствует интуиция независимости, нелокальности: ценность — это то, что в конечном счете не может быть предметом соглашения или иной зависимости, они не определяются, а определяют» (Вархотов, 2024: 12).

Как ни странно, именно конвенциональный подход к ценностям чреват опасностью гражданской розни по типу «войны всех против всех». По словам Т. Гоббса,

> если заключено соглашение, при котором ни одна из сторон не выполняет своих обязательств немедленно, а доверяет друг другу, то в естественном состоянии (которое есть состояние войны всех против всех) такое соглашение при мало-мальски обоснованном подозрении одной из сторон, что противная сторона не выполнит своих обязательств, оказывается недействительным (Гоббс, 1991: 104).

Иначе говоря, сама возможность соглашения, в том числе о ценностях, возникает лишь после того, как уже учреждена власть. Означает ли это, что установление институтов власти не может быть основано на ценностях?

В любом случае, если исходить из конвенционального характера ценностей, то противоборство при их первичном конституировании совершенно неизбежно. Если же предположить, что система ценностей определяется не раз и навсегда, а подлежит регулярному пересмотру, то в случае, когда достичь мирного соглашения не удается по тем или иным причинам, также высоко вероятен возврат к насилию.

Если же принять, что ценности являются не столько результатом соглашения, сколько его условием, то автоматически возникает необходимость их верно идентифицировать, а вместе с нею — возможность случайных или злонамеренных искажений. При этом, поскольку человеку свойственно ошибаться, ложные ценности, появляясь наравне с истинными, не могут не обрести приверженцев.

Таким образом, необходимость сосуществования на фоне феномена ценностей автоматически ведет к перманентному противостоянию, которое меняет лишь свои формы и интенсивность. Поскольку любой консенсус достигается только на основании уже найденных общих ценностей, сам поиск топоса происходит лишь путем разногласий, разрешающихся победой одних идей над другими.

Великая Победа 1945 года — исторический слепок очередного раунда аксиологической конфронтации середины XX века. Позиции индивидуалистического мировоззрения были несколько поколеблены впечатляющей демонстрацией силы коллективизма. В свою очередь, явное смягчение строго атеистических установок, сменившихся умеренной взаимной лояльностью государства и церкви, могло рассматриваться как относительная победа христианских идеалов. Недолговечный и хрупкий синтез этих начал, вскоре подвергнутый новым атакам, тем не менее стал основой того ценностного самоопределения российской культуры, которое пока не нашло себе достойной замены.

ЛИТЕРАТУРА

Александров Г. (1945). Товарищ Эренбург упрощает // Правда. 14 апреля. С. 2.

Вархотов Т. А. (2024). Неконвенциональная природа ценности // Patria. Т. 1. № 1. С. 9–29.

Вахитов Р. Р. (2024). Традиционализм как реакция на революцию: истоки современной идеологии «традиционных ценностей» и евразийства 1920-х годов // Patria. Т. 1. № 4. С. 29–43.

Гегель Г. В. Ф. (2000). Феноменология духа. М.: Наука.

Гоббс Т. (1991). Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль. С. 3–546.

Декрет II Всероссийского съезда Советов о мире (1957) // Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. лит.

Дюги Л. (1919). Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона. М.: Гос. изд-во.

Инбер В. М. (1943). Красной армии // О Ленинграде. Поэма и стихи. Л.: Гослитиздат. С. 73–74.

Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 5 (18) октября 1907 г. (2007) // Действующее международное право. Документы: в 2 т. Т. 2 / сост. Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. М.: Юрайт: Междунар. отношения.

Копанева В. А. (2024). Феномен признания: социально-философский подход: дис. … канд. филос. наук (5.7.7). Волгоград. гос. ун-т.

Малинова И. П. (1995). Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад.

Робеспьер М. (1965). Избранные произведения. Т. III. М.: Наука.

Толстой Л. Н. (1984). О жизни // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 17. М.: Худож. лит. С. 7–135.

Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 46. Ст. 7977.

Эренбург И. Г. (1996). Хватит! // Эренбург И. Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. М.: Худож. лит. С. 659–665.

REFERENCES

Alexandrov G. (1945) “Comrade Erenburg Simplifies”, *Pravda*, April 14, p. 2.

“Convention on the Laws and Customs of Land Warfare, October 5 (18), 1907” (2007), *Current International Law*, vol. 2, Moscow: Yurajt: Mezhdunarodnye otnosheniya.

“Decree of the II All-Russian Congress of Soviets about the Peace” (1957), *Decrees of the Soviet Government*, vol. 1, Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.

“Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 11/09/2022 ‘On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values’” (2022), *Collection of Legislation of the Russian Federation*, no. 46, art. 7977.

Duguit L. (1919) *Les transformations generales du droit prive depuis le Code Napoleon*, Moscow: State Publishing House.

Erenburg I. G. “Enough!”, Erenburg I. G. *Collected Works, in 8 vols*, vol. 5, Moscow: Hudozhestvennaya literatura, pp. 659–665.

Hegel G. V. F. (2000) *Phänomenologie des Geistes*, Moscow: Nauka.

Hobbes T. (1991) “Leviathan, or the Matter, Forme, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil”, Hobbes T. *Essays*, in 2 vols, vol. 2, Moscow: Mysl, pp. 3–546.

Inber V. M. (1943) “To the Red Army”, Inber V. M. *About Leningrad. A Poem and Poems*, Leningrad: Goslitizdat, pp. 73–74.

Kopaneva V. A. (2024) *The Phenomenon of Recognition: A Socio-Philosophical Approach* (PhD Thesis), Volgograd: Volgograd State University.

Malinova I. P. (1995) *Philosophy of Law (from Metaphysics to Hermeneutics)*, Ekaterinburg: Publishing House of the Ural State Law Academy.

Robespierre M. (1965) *Selected Works*, vol. III, Moscow: Nauka.

Tolstoy L. N. (1984) “About Life”, Tolstoy L. N. *Collected Works,* in 22 vols, vol. 17, Moscow: Hudozhestvennaya literatura, pp. 7–135.

Vakhitov R. R. (2024) “Traditionalism as a Reaction to Revolution: The Origins of the Modern Ideology of ‘Traditional Values’ and Eurasianism of the 1920s”, *Patria*, vol. 1, no. 4, pp. 29–43.

Varkhotov T. A. (2024) “The Unconventional Nature of Value”, *Patria*, vol. 1, no. 1, pp. 9–29.